
Конфликт, которого никто не ждет

Дмитрий Балуев

В последнее время пристальное внимание международных специалистов привлекают отношения нашей страны с Китаем. Оценивают их специалисты очень неодинаково. Они строят всевозможные модели этих отношений, включая КНР в самые разные геополитические, экономические и даже культурные схемы. К сожалению, авторы подобных построений чаще всего ставят китайскую политику Москвы в зависимость от других направлений ее дипломатии — например, американского или западноевропейского. На мой же взгляд, в новом тысячелетии дело будет обстоять как раз наоборот: новейшие тенденции в российско-китайских отношениях будут определять общий внешнеполитический курс России. А потому именно объективный и непредвзятый анализ российско-китайских отношений должен стать отправной точкой для разработки других региональных векторов национальной дипломатии.

При рассмотрении российско-китайских отношений целесообразно выделить три ключевых элемента:

- включенность российско-китайских отношений в глобальную систему межгосударственных отношений,
- интересы Китая и реальная способность Пекина защитить их,
- собственно российская политика по отношению к КНР.

Изменения глобальной системы межгосударственных отношений

Международная система претерпела многочисленные изменения, затронувшие все сферы межгосударственных отношений. Наиболее важны три перемены.

Конфликт времен «холодной войны» лишился своего идеологического стержня. В результате вероятность более или менее крупного вооруженного конфликта в Европе ослабла. Однако место идеологии заняли другие причины конфликтов, что изменило географию последних.

Значение экономики в международных отношениях выросло настолько, что она все больше определяет сегодня национальные интересы; конфликты, вызванные экономическими причинами, происходят все чаще и становятся глубже. После Второй мировой войны большинство развитых стран уделяют больше внимания увеличению своей доли в мировой тор-

говле, нежели контролю над территорией, а их правительства проявляют растущий интерес к экономическим вопросам. Появился даже новый тип международного кризиса. Например, в декабре 1994 года Белый дом, прибегнув в интересах американской корпорации «Рейтеон» к мощному силовому давлению, обошел Францию при заключении сделки по управлению тропическими лесами и воздушным транспортом в Бразилии (общая стоимость — примерно один миллиард долларов).

Центр мировой экономики вполне очевидно смещается из Атлантики и Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), открывая перед Китаем шанс завоевать себе подобающее место в системе межгосударственных отношений. В таких условиях интеграция политики в области безопасности и стратегии развития страны предстает естественным ответом на вызов времени и находит отражение в дебатах, идущих в Китае вокруг проблем национальной стратегии в XXI веке.

Китайская внешняя политика и отношения с Россией

На мой взгляд, современная внешняя политика Пекина производна от четырех факторов:

- исторического наследия страны,
- растущего национализма,
- изменений во внешнем окружении,
- нужд китайской экономики.

Веками китайская империя оставалась великой и самодостаточной державой. Ее подданные считали свою страну центром Вселенной, или Срединным царством, а население окружающего мира — нецивилизованными варварами. Этот взгляд породил идею и практику «использования одних варваров для того, чтобы контролировать других». Кроме того, китайская внешняя политика искони тяготела к изоляционизму и нежеланию открываться чужим веяниям. Этот исторический фон помогает понять, отчего в 90-е годы при формулировании генерального направления национальной дипломатии не утихали споры между апологетами изоляционизма и сторонниками большей вовлеченности в мировые дела.

Другой фактор, влияющий на формирование китайской внешней политики — национализм, — результат истории нового времени. Иностранное владычество, продолжавшееся с XIX века до конца Второй мировой войны, породило китайский национализм с его важнейшей внешнеполитической задачей — сохранением территориальной целостности страны и возвращением территорий, бывших прежде ее частями. Список таких территорий обширен, так что из всех военных акций Китайской Народной Республики только войну в Корее и вторжение в 1979 году во Вьетнам Пекин считает проходившими на чужой земле. Остальные 13 случаев

там относят к операциям по освобождению «незаконно оккупированной» китайской территории¹. Следует также помнить, что вопреки широко распространенному заблуждению, будто Россия всегда противостояла колониализму западных держав, в отношении Китая она действовала как одна из них. Пожалуй, китайское направление внешней политики было единственным примером успешной колониальной политики России. Освоение ею территории Дальнего Востока происходило в период ослабления китайской империи с согласия и при помощи других великих держав. Сама Россия, как справедливо отмечают сторонники тесного сближения с КНР, редко вела боевые действия или официально объявленные войны, что, впрочем, еще вовсе не говорит о гармонии во взаимоотношениях двух империй, а тем более о многовековой традиции мирного сосуществования двух государств. Подчинение Дальнего Востока в 1848—94 годах стало возможным благодаря прямому вмешательству во внутренние дела китайского государства в условиях его распада. Насколько «этичным» было подобное поведение, можно спорить, но Россия получила очень богатые природными ресурсами территории, а китайская угроза была устранена. Поэтому сейчас, когда мощь нашего восточного соседа растет, а России — падает, резонно ожидать, что, исправляя «исторические несправедливости», Китай вряд ли станет делать существенные различия между территориями, отнятыми у него Россией и другими колониальными державами.

Националистическая внешнеполитическая доктрина может иметь серьезные внутренние последствия. Авторы нашумевшей книги «Грядущий конфликт с Китаем» Ричард Бернстайн и Росс Мунро² высказали мнение, что в результате трансформации Китая там вполне может сложиться фашистский режим. Как считают Бернстайн и Мунро, из-за неспособности демократических сил повлиять на происходящие в обществе процессы население воспринимает демократию как иностранное нововведение, несовместимое с традиционными китайскими ценностями. К тому же фашизм устраивает китайских коммунистов, пытающихся совместить свою идеологию с национализмом. Если события действительно будут развиваться в таком направлении, их значение для России, без всяких сомнений, окажется огромным — в частности, потому, что подобную модель завершения переходного периода могут позаимствовать наши внутренние антидемократические силы.

После распада Советского Союза в международном окружении Китая впервые с 1949 года отсутствует какая-либо серьезная угроза³. Соперничество между обоими государствами переместилось из военной сферы в экономико-технологическую, что ставит перед Пекином ряд серьезных проблем. Китайские стратеги обсуждают сейчас два основных варианта национальной политики, которым можно дать условные названия «всеобъемлющая национальная мощь» и «великая стратегия»⁴.

Сторонники первой концепции исходят из того, что предпосылкой роста китайской мощи должно стать экономическое развитие, которому следует в конечном итоге подчинить все другие задачи, в том числе военные. Впрочем, отстаивать национальные экономические интересы предлагается всеми средствами — вплоть до военных.

Приверженцы «великой стратегии» считают, что Китаю предстоит сложная адаптация к новой роли великой державы. Глобальные (а не региональные) задачи требуют и соответственной глобальной стратегии, построенной на активной защите национальных интересов, а не пассивном реагировании на внешние вызовы.

Официально основой внешней политики и политики в области безопасности служит «всеобъемлющая национальная мощь», однако и «великую стратегию» тоже не сбрасывают со счета, так что обе концепции скорее дополняют, нежели исключают друг друга. В китайских политических кругах распространено мнение: именно военная сила — наиболее важный компонент «всеобъемлющей национальной мощи», без которого Китай не сможет «ни успешно проецировать как великая держава свою национальную идентичность, ни играть более важную роль в мировых делах»⁵. Вера в то, что надлежащий статус стране придаст именно военная мощь, во многом определяет расширение закупок высокотехнологичных вооружений.

Во внешнем окружении Китая стремительно меняются силовые конфигурации. Как отмечал один из известных западных теоретиков международных отношений Роберт Гилпин, в наши дни «цена поддержания старого состояния международной системы для традиционно доминирующего государства или группы государств возрастает. Затраты же по изменению системы для вновь возникшей силы падают»⁶. Для державы, подобной Китаю, это означает, что использование собственной растущей силы ради исправления «ошибок истории» (в том числе территориальных) вполне естественно. Единственными ограничителями выступают реальные военные возможности и необходимость учитывать политические издержки.

Такого рода установки отражаются на военном планировании. В последнее время китайские стратеги уделяют основное внимание уже не подготовке к гипотетическому глобальному вооруженному конфликту, а строительству современных вооруженных сил, способных сдерживать крупномасштабный вооруженный конфликт и гарантировать им победу в малых и средних войнах. Появилась доктрина «периферийной обороны», рассчитанная на ограниченные, но эффективные военные операции в регионах, граничащих с территорией КНР⁷. Она требует от китайской армии подготовки к наступательным операциям, нацеленным на быстрый разгром противника на некотором расстоянии от территории самого Китая⁸.

Применение такой доктрины к китайско-российским отношениям означало бы постепенный пересмотр существующей границы в результате ряда локальных вооруженных конфликтов, не перерастающих в большую войну. Подобные методы территориального расширения не новы; на Западе приращивание территории небольшими «кусками» именуется «тактикой салами».

В последние годы меняется и географическая ориентация китайской внешней политики. Пекинские руководители склонны отказаться от прежних глобальных претензий в обмен на роль доминирующей азиатской региональной державы.

На мой взгляд, уже перечисленные военно-политические причины достаточно вески, чтобы опасаться территориальной экспансии Китая. Но не менее важны экономические причины. Особо выделяю две из них.

Резко возросшие потребности развивающейся экономики Китая в энергоносителях. Сейчас душевое потребление энергии в стране составляет всего 40 проц. среднемирового. Соответствующий показатель Японии в 20, а Соединенных Штатах в 30 раз выше. Понятно, что дальнейшая модернизация китайской экономики будет сопровождаться быстрым ростом энергопотребления. Даже не достигнув американского или японского уровней, оно все равно уже в ближайшем будущем окажется на порядок выше нынешнего.

Истощение внутренних запасов нефти. Еще десять лет назад Китай экспортировал почти четверть добываемой нефти, а сейчас превратился в ее импортера. Из подобной ситуации можно выйти тремя способами. Первый — увеличение разработки собственных энергоресурсов. Северо-восточные месторождения нефти постепенно вырабатываются, однако Китай располагает довольно значительными месторождениями нефти в бассейне реки Тарим, вблизи российской границы. Некоторые эксперты даже сравнивают их с запасами в Саудовской Аравии⁹, но из-за разного рода трудностей собственные месторождения дают пока лишь 7 проц. общего объема китайской нефтедобычи. Поэтому решение энергетической проблемы за счет внутренних ресурсов возможно лишь в долгосрочной перспективе, в ближайшее же время их крупномасштабная разработка вряд ли реальна.

Вторым способом смягчения дефицита энергоресурсов могла бы быть ставка на нефтяные и газовые месторождения, расположенные к югу от Китая. Он уже сейчас начинает создавать мощный флот, способный проецировать силу в Южно- и Восточно-Китайском морях, а также Индийском океане. В конечном счете энергетической проблемой во многом объясняются территориальные претензии Пекина к южным соседям и его попытки начать разработку континентального шельфа. Переключению китайских устремлений на юг, с континента на морские просторы, способствовало и частичное разрешение пограничного спора с Россией.

Правда, такое решение энергетической проблемы вряд ли окажется долговечным, поскольку неизбежно вызовет серьезный конфликт с Соединенными Штатами, к разрешению которого в свою пользу Пекин еще долго не будет готов. Отсутствие мощного современного флота (особенно авианосцев) ограничивает возможность силовых решений Китая на южном направлении. Нет оснований предполагать, что в ближайшие десятилетия КНР создаст военно-морской флот, способный соперничать с американским. К тому же в этой области Китай не может использовать свое демографическое превосходство, столь важное при строительстве сухопутных сил.

Поэтому в последнее время китайские стратеги все больше склоняются к третьему решению — получению доступа к российским энергоносителям. Проникновение может начаться с использования чисто экономических методов. Однако, как показывает история, набирающие силу державы рано или поздно начинают подкреплять свои хозяйственные интересы силой. Очевидно, что «российский вариант» решения топливно-энергетической проблемы обладает в глазах пекинских руководителей некоторыми преимуществами. Как мирному, так и силовому проникновению Китая на российский Дальний Восток и в Сибирь благоприятствует нынешняя слабость России. По китайским оценкам, нашей стране, чтобы восстановить свою экономику и начать представлять какую-либо угрозу Китаю, потребуется не менее десятилетия¹⁰.

К тому же за последнее время Пекин значительно усилил свое влияние на бывшие советские республики Средней Азии в самых различных сферах — от культурной и экономической до проблем национальной безопасности. Так, 11 июня 1997 года, после визита китайского министра обороны в Казахстан, было объявлено, что КНР поставит этой стране патрульные катера для использования на Каспийском море и откроет курсы китайского языка для казахских офицеров. Активная политика Китая в Центральной Азии дает свои результаты: правительства Казахстана, Киргизии и Таджикистана обещали не помогать и не предоставлять политического убежища уйгурским сепаратистам. Рост китайского влияния в этом регионе уже сейчас заметно сузил российское «поле для маневра», создав рычаги давления на Москву.

Считаю вполне вероятным, что в будущем долгосрочной доминантой политики Китая по отношению к России станет экспансия — причем не только территориальная, но и экономическая, демографическая и информационная. Как же тогда объяснить нынешний курс Пекина на сотрудничество с нашей страной?

Во-первых, такая политика позволяет ему улучшить свою позицию на переговорах с Соединенными Штатами. По мнению Генри Киссинджера, с помощью Москвы Китай способен разрушить величайшее достижение администрации Никсона, добившейся такой внешнеполитической конфи-

гурации, при которой отношения Китая с США были гораздо лучше, чем с СССР¹¹. Сейчас среди китайцев в ходу мнение, будто Вашингтон переключает руль, переходя к политике «сдерживания»¹², и они склоняются к тому, чтобы использовать сближение с Россией как способ давления на американцев. Похоже, он начал действовать. Во время российско-китайской встречи в верхах в 1996 году Борис Ельцин подписал коммюнике, осуждающее «гегемонию», иными словами, преобладание США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во-вторых, нынешнее стремление Москвы любой ценой установить союзнические отношения с Пекином тот использует для давления на страны АТР. Рассуждения некоторых отечественных аналитиков, будто Китай за последние годы создал вокруг своих государственных границ надежное дружественное окружение и сумел погасить страх перед китайской угрозой в большинстве сопредельных стран, необидительны. Вряд ли Филиппины, Южная Корея, Япония или Вьетнам согласятся с тем, что они входят в дружественное окружение Китая. Более того, официальные документы военного планирования этих государств в более или менее ясной форме указывают на Пекин как на один из главных источников угрозы их национальной безопасности. Противостоять этой угрозе они предпочитают не путем наращивания вооруженных сил (так как гонка вооружений — область, в которой трудно победить Китай), а «опутыванием» его сетью торговых, экономических, культурных и прочих соглашений, вовлечением в региональные организации. Именно в них Пекин стремится укрепить свои позиции и использует в этих целях Россию. Вслед за саммитом 1996 года Россия и КНР выдвинули идею новой модели безопасности для Юго-Восточной Азии. Поскольку позиции России в этом регионе слабы, в основу заявления, скорее всего, были положены китайские предложения и интересы, а Москва фактически согласилась с документом, разработанным в Пекине¹³.

В-третьих, Соединенные Штаты стараются ограничить военные возможности Китая, а потому для модернизации его вооруженных сил экспорт вооружений и военной технологии из России приобретает особое значение. При этом, вопреки ожиданиям некоторых московских политиков, военные поставки вовсе не порождают односторонней зависимости нашего восточного соседа. Скорее, наоборот: в растущую зависимость от этих экспортных программ постепенно попадает российский ВПК, что создает еще одну возможность при необходимости оказывать давление на российское правительство.

Опасные иллюзии

Российско-китайская политика складывается под воздействием различных факторов: соображений национальной безопасности, бюрократичес-

ких интересов, общественного мнения и даже позиций отдельных лиц. Общественное мнение играет крайне незначительную роль. Если вопрос расширения НАТО на Восток еще как-то задел российскую публику, то отношения России с Китаем интересуют почти исключительно жителей дальневосточных областей, да и то главным образом в связи с притоком иммигрантов.

События последних лет показали, что российскую политику чаще всего определяют интересы бюрократии: в случае с Китаем — военно-промышленного комплекса. В 1995 году российские продажи вооружений в развивающиеся страны выросли на 62 проц. и достигли 6 млрд. долларов (США в том же году выручили 3,8 млрд. долларов). Крупнейшим покупателем российского оружия стал Китай. Разумно объяснить подобную политику можно только стремлением хоть как-то смягчить кризис отечественного ВПК и тем, что, по уверениям некоторых российских исследователей, наши поставки не меняют существенным образом баланса сил в регионе¹⁴. Россия продала Китаю две подводных лодки класса «Кило», более двух десятков самолетов Су-27¹⁵, военно-транспортные самолеты, системы ПВО. Конечно, по сравнению с массивными закупками новых западных самолетов и боевых судов для ВВС и ВМФ Тайваня или, например, Японии эти сделки не так уж велики. Но на соотношение сил (особенно на российско-китайской границе) способны существенно повлиять даже они.

Еще серьезнее проблема передачи военных технологий, поскольку в этой области КНР зависит от более развитых стран. Только при относительно свободном доступе к зарубежной военной технологии и усиленном финансировании национального производства высокотехнологичных систем вооружений китайские военные смогут поднять его на более высокий современный уровень¹⁶. Как показывают факты, китайцы успешно использовали хаос, царящий в России, коррумпированность российских производителей вооружений и их зависимость от китайского рынка. По некоторым данным, при поддержке Министерства обороны России Пекин получил лицензию на производство самолетов МиГ-31¹⁷. Китайский центр по координации военно-технического сотрудничества регулярно организует поездки в свою страну российских специалистов-оружейников. По расчетам самих китайцев, полученная в результате этого информация позволит им сэкономить 15—20 лет и сотни миллиардов долларов¹⁸.

Отсюда следует, что поставки российских вооружений и военных технологий в Китай, хотя и смягчают кризис в российском ВПК, вряд ли отвечают долгосрочным интересам России, особенно если принять во внимание слабость российских позиций на Дальнем Востоке и их уязвимость перед лицом государства, имеющего к ней территориальные претензии.

В последнее время на отношения между обеими странами все заметнее воздействует топливно-энергетический комплекс России и других государств СНГ. Складывается впечатление, что его влияние — еще один характерный пример бюрократической политики. Россия фактически пошла на открытие богатых энергоносителями регионов для китайского проникновения. 25 июня 1997 года была достигнута договоренность о разработке месторождений газа в Иркутской области и строительстве газопровода в Южную Корею через Монголию и Китай. Первый вице-премьер Борис Немцов отметил, что сотрудничество в проектах, связанных с энергоносителями, — ключевой компонент российско-китайских отношений. Во время визита в Китай Виктор Черномырдин и Ли Пэн подписали соглашение о поставках сибирского газа и нефти¹⁹. Предполагается даже ввести единые стандарты на железнодорожных путях в некоторых приграничных районах. Китайская национальная топливная корпорация выиграла тендер на разработку 60 проц. нефтяного месторождения под Актюбинском, победив американские компании «Тексако» и «Амоко», а также российский «Южный мост».

В то же время при инвестировании в Китае Россия наталкивается на определенные трудности. Например, в 1997 году при реализации проекта строительства гидроэлектростанции «Три ущелья» (ведет консорциум, состоящий из «Энергомашэкспорта», «Электросилы», «Гидропроекта», «Техноэкспорта», «Трансмаша» и «Трактороэкспорта») китайская сторона не согласилась с предложенными ей ценами на российское оборудование.

Правда, 21 мая 1997 года было подписано соглашение об оказании помощи при проектировании атомной электростанции в провинции Цзяньсу. Но ядерная энергетика, пожалуй, единственная область, куда Китай допускает российские предприятия. Во многом это объясняется тем, что он не в состоянии найти альтернативных поставщиков оборудования и технологии. Китайская сторона откровенно использует Россию, чтобы пробить брешь в режимах, ограничивающих экономический и военный рост их страны (режим контроля за ядерными или ракетными технологиями, ограничения экспорта высокотехнологичных вооружений и военных технологий).

Позиция других дальневосточных государств не облегчает защиты российских интересов. Еще в 1996 году в официальных документах японского правительства Китай фигурировал — наряду с Россией — как главная угроза национальной безопасности²⁰. Теперь Токио заявил о своей готовности участвовать в строительстве нефте- и газопроводов из Казахстана в Китай. Экспортно-импортный банк Японии профинансирует 15 проектов в Казахстане на сумму 6 млрд. долларов. Более того, заместитель министра иностранных дел Японии Кадзуо Огура 4 июня 1997 года

заявил: если Россию примут в «большую семерку», страна будет настаивать на принятии в нее и Китая, поскольку объем его внешней торговли вдвое больше российского.

Самая опасная сторона засилья бюрократических интересов в процессе выработки российско-китайской политики — полная безответственность его участников. Операционная доктрина стала негибкой и схематичной. Она до конца непонятна ни одному из субъектов процесса принятия решений, которые заинтересованы лишь в быстром получении максимальных прибылей.

Национальные интересы России в отношениях с Китаем определены туманно. Отсутствие перспективного видения проблемы характерно для всех частей политического спектра. Представители властных структур делают примитивные и ни к чему не обязывающие заявления о необходимости теснее привязать дальневосточные области к Центру²¹. Отечественные либералы полагают, будто в современном взаимозависимом мире внешние угрозы национальной безопасности России уже неактуальны. Отсюда и вытекает стремление безоглядного курса.

Представители националистического течения в нынешней российской внешнеполитической мысли сконцентрировали все внимание на расширении НАТО как наибольшей угрозе безопасности страны. Исходя из этого, они конструируют схемы совместного российско-китайского противостояния «давлению Запада». Между тем неподвизтому наблюдателю очевидно, что у России гораздо больше оснований опасаться Китая. Все прошлые попытки создать альянс с КНР оказывались дорогостоящими и недолговечными, и рассчитывать на то, что подобная политика на сей раз окажется успешнее, особых оснований нет. Более того, в долгосрочной перспективе улучшение отношений с Западом сулит Китаю гораздо больше, чем любой союз с Россией²².

Реактивный характер российской политики по отношению к Китаю и отсутствие перспективной оценки будущего развития отношений между обеими странами объясняются, помимо всего прочего, и тем, что представители разных частей отечественного политического спектра искусственно культивировали соответствующие внешнеполитические воззрения. В начале 1990-х годов ослабление влияния России на мировые процессы стало уже очевидным, а легитимность правящего режима — несколько проблематичной. И потому естественная стратегия политического выживания как партии власти, так и оппозиции строилась на двух основных элементах:

- *демонстрации решимости противостоять потенциальным противникам*. Лучшее всего на эту роль подходил Запад с задуманным им расширением НАТО. Угроза, которую он мог представлять для нашей страны, была отдаленной и не определяемой в военных терминах, отчего рос-

сийские аналитики пользуются эвфемизмом «потенциальная угроза», означая, что она вряд ли материализуется и уж во всяком случае не поставит под вопрос существование России как суверенного государства. Риторическое же противостояние Западу, позволяющее политикам набирать очки во внутренних баталиях, по их собственному мнению, вряд ли способно серьезно навредить России;

- *поиске союзников для противостояния потенциальным угрозам.* Союзники требовались сильные в политическом, экономическом и военном отношениях. Вначале эту задачу пробовали решить за счет укрепления связей внутри СНГ. Однако вскоре выяснилось, что входящие в него государства либо недостаточно сильны, либо не слишком заинтересованы в общих с Россией внешнеполитических инициативах. Тогда Москва обратила свое внимание на Китай, который некоторые политики возвели в ранг «единственного и надежнейшего» союзника при противостоянии Западу. Если сотрудничество с КНР не вписывалось в рамки желаемой схемы, этого старались не замечать, а порой за совместные антизападные акции и вовсе выдавали внешнеполитические инициативы Китая, направленные на защиту его собственных интересов.

Поначалу эти два элемента внешнеполитической стратегии были лишь мифами, которые внешнеполитическое сообщество инструментализировало в своих внутривнутриполитических целях. Со временем, однако, они стали восприниматься как объективная реальность. Элита попала в созданную ею же самой ловушку, и отказ от конфронтации с Западом и сотрудничества с Китаем предстали чуть ли не аномалией²³. Концепциям, отдающим предпочтение сотрудничеству с Западом во имя сдерживания все более реальной китайской угрозы, уже трудно влиять на выработку российской внешней политики. Долгосрочные интересы страны пали жертвой внутривнутриполитической борьбы.

Нынешним архитекторам российской дипломатии следовало бы отказаться от сложившихся стереотипов и задуматься над тем, куда ведут страну события. Однако трудно сохранять объективность, когда решения приходится принимать под столь сильным влиянием внутривнутриполитической борьбы. К тому же у этих людей место «великих замыслов» занимают тактические идеи, пусть даже и неплохие (к примеру, торг вокруг расширения НАТО или политика на Ближнем Востоке).

* * *

Думаю, что выход из сложной ситуации открывает только внешнеполитическая концепция, сочетающая в себе элементы умеренного национализма и изоляционизма²⁴. Она позволяет высвободить китайскую политику России из ее нынешнего положения заложника внутривнутриполитических стычек, объективно определить возможных соперников и союзников,

сформулировать российские интересы и реально оценить возможности отстоять их. Если такое переосмысление произойдет, оно будет иметь далеко идущие последствия для политики безопасности, взаимоотношений со странами Запада, НАТО и ЕС, для российской внешней торговли и военной реформы²⁵. Сейчас, когда закладываются основы взаимоотношений между Россией и Китаем в новом тысячелетии, столь важные не только для обеих стран, но и для всего АТР, как никогда, нужны неординарные решения, которые переломили бы нынешние неблагоприятные тенденции.

Примечания

- ¹ *A. Cronin, P. Cronin*. The Realistic Engagement of China. «The Washington Quarterly», v. 19, № 1, p. 149.
- ² *R. Bernstein and R. Munro*. The Coming Conflict With China. N.Y., Knopf, 1997. Авторы этой работы не одиноки в своих оценках. Даже умеренные исследователи видят в событиях 1996 года доказательство того, что правящий режим Китая попытается сделать ставку на поднимающуюся волну национализма — с непредсказуемыми последствиями как для самой страны, так и для международной системы (см.: *A. Goldstein*. China in 1996. «Asian Survey», v. XXXVII, № 1 (January 1997), p. 42.
- ³ Это находит отражение в официальных документах. См., например: Report Delivered at the 15th National Congress of the Communist Party of China on September 12, 1997. «Beijing Review», 6—12.10.1997, p. 23.
- ⁴ Об этих ключевых течениях стратегической мысли Китая см.: *Jung-Dong Yuan, Yuchao Zhu*. Sizing up Chinese Military Buildup: The Limitations to Defense Modernization. «The Korean Journal of Defense Analysis», v. VIII, № 1 (Summer 1996), pp. 231—251, а также *Shuofeng Huang*. On Comprehensive National Strength. Beijing, Chinese Social Science Press, 1992; *Runchang Xi*. The Coming of the Post-nuclear Age: Grand Strategy and the Competition Among Nations. Changsha, Hunan Publishing House, 1992.
- ⁵ *S. Kim*. China as a Great Power. «Current History», September 1997, p. 248.
- ⁶ *R. Gilpin*. Hegemonic War and International Change. In: *R. Betts* (Ed.) Conflict After the Cold War: Arguments on Causes of War and Peace. N. Y., Macmillan, 1994, p. 96.
- ⁷ «Jane's Intelligence Review», June 1992, pp. 278—281.
- ⁸ *P. Godwin*. Uncertainty, Insecurity and China's Military Power. «Current History», September 1997, p. 248.
- ⁹ См.: *K. Calder*. Asia's Empty Tank. «Foreign Affairs», v. 75, № 2 (March-April 1996), p. 57.
- ¹⁰ *Y. Yunzhu*. The Evolution of Military Doctrine of the Chinese PLA from 1985 to 1995. «The Korean Journal of Defense Analysis», v. VII, № 2 (Winter 1995), p. 62.
- ¹¹ *H. Kissinger*. Moscow and Beijing: A Declaration of Independence. «The Washington Post», 14.05.1996.
- ¹² См., например: *W. Zhongren*. China Threat Theory Groundless. «Beijing Review», 14—20.06.1997, pp. 7—8; *D. Xiaohua*. Why and How the US Media Work to Demonize China. «Beijing Review», 4—10.08.1997, pp. 8—11
- ¹³ «Jane's Defense Weekly», 19.06.1996, p. 27.
- ¹⁴ США: поиски новой стратегии в АТР. «Нижегородский журнал международных исследований», 1995, № 5, с. 105.
- ¹⁵ Продажа лицензии на производство Су-27 в Китае — наглядное мерило влияния производителей вооружений на российскую политику. Генеральный директор конструкторского бюро М. Симонов провел переговоры о продаже лицензии по собственной

инициативе, без официального разрешения. В результате Китай сможет производить боевые самолеты четвертого поколения, что не только нарушает баланс сил на Дальнем Востоке и ухудшает отношения России с рядом стран региона, но и практически закрывает азиатский рынок для российских производителей подобного вооружения. Принимая же во внимание, что производство самолетов пятого поколения в самой России поставлено под вопрос, военно-стратегическая ситуация на дальневосточном театре военных действий для нашей страны значительно ухудшилась.

¹⁶ E. Arnett. Military Technology: the Case of China. In: SIPRI Yearbook. 1995. Oxford University Press, 1995, p. 386.

¹⁷ «Jane's Intelligence Review», November 1997, p. 518.

¹⁸ Ibid., p. 520.

¹⁹ RFE/RL Newslines, v.1, № 62, pt.1, 27.06.1997.

²⁰ A. Goldstein. China in 1996. «Asian Survey», v. XXXVII, № 1 (January 1997), p. 41.

²¹ Например, 27 мая 1997 года министр внутренних дел Анатолий Куликов заявил на пресс-конференции, что этот регион может оказаться оторванным от остальной России. Между тем бюджет страны нуждается в увеличении поступлений с Дальнего Востока, а следовательно, необходимо глубже координировать деятельность региональных правоохранительных, налоговых и таможенных служб.

²² Объективный показатель этого — заявления президента КНР во время его визита в США в октябре 1997 года.

²³ 25 декабря 1996 года бывший министр обороны Игорь Родионов назвал в своей речи рост военной мощи КНР угрожающим нашей стране. Российский МИД дезавуировал это заявление, а правительство вынудило министра разослать циркуляр с указанием на то, что Китай — стратегический партнер России (см. «Jane's Intelligence Review», November 1997, p. 522).

²⁴ См.: Д. Балуев. Перед ответственным выбором. «Pro et Contra», 1997, т. 2, № 1, сс. 67—77.

²⁵ Если исходить из возможности конфликта с Китаем, установка на создание высокотехнологичной и значительно сокращенной российской армии может оказаться не наилучшим решением. Чрезмерное насыщение армии тяжелым вооружением вряд ли поможет справиться с противником, делающим ставку на подавляющее численное превосходство и нетрадиционную тактику. По крайней мере, часть вооруженных сил придется увеличить (прежде всего сухопутные войска, авиационные соединения, инженерные войска и подразделения связистов). Кроме того, понадобится пересмотреть и нынешние взгляды на использование тактических ядерных вооружений. Очевидно, что это представление расходится с обсуждаемой концепцией военной реформы.